

ГЛАВА 9

BRITISHNESS, ENGLISHNESS И «ВИГСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ»¹

Вот уже более трех десятилетий британская национальная идентичность является предметом интенсивных общественных и академических дискуссий². За это время определился контур основных дискуссионных проблем. В свете современных центробежных тенденций особое внимание уделяется комплексу проблем, связанных с вопросами национальной и этнической идентичности в истории королевства³. Другой дискуссионной проблемой являются хронологические рамки «бытования» феномена национализма на Британских островах. Если большинство исследователей склонно связывать «начало» формирования британской национальной идентичности с Ганноверской эпохой, то при этом остается открытым вопрос о ее истоках в эпоху Реформации⁴. Что же касается «конца», который чаще всего формулируется как «кризис национальной идентичности» – то попытки первых лиц государства от Маргарет Тэтчер и далее озвучивать патриотическую версию британской исключительности, натолкнулись на твердую оппозицию историков. Об этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

² The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; Colley L. Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; Elton G. The English. Cambridge, 1992; Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1992; Myths of the English / Ed. by R. Porter. Oxford and Cambridge: Polity Press, 1992; etc.

³ См.: Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830. Cambridge, 1993; Kidd C. North Britishness and the nature of eighteenth century British patriotisms // The Historical Journal. 1996. Vol. 39. No. 2; Leersen J. Remembrance and Imagination: Patterns in the Historical and Literary Representation of Ireland in the Nineteenth Century. Cork University Press, 1996.

⁴ Newman G. Nationalism Revisited. Review // Journal of British Studies. 1996. Vol. 35. No. 1. P. 118-127.

свидетельствуют дебаты недавнего времени о природе и целях истории в Национальной учебной программе. Как сказал президент Королевского исторического общества Питер Мандлер «...все основные профессиональные группы историков объединились в критике этого проекта»⁵.

При всей многогранности и интенсивности дискуссий в академической среде за эти годы сложился *modus vivendi* по ряду вопросов. Во-первых, сегодня нет сомнения в том, что британская национальная идентичность базировалась на идее исключительности и превосходства британской культуры, основанной на богоизбранности английского народа, уникальности его конституции и империи, которая была «не более чем результатом естественного развития» британской нации⁶. Во-вторых, общим местом в историографии является положение о том, что определяющим фактором формирования британской национальной идентичности – в контексте активной внешней политики Британии и образовательных практик гранд-туров в эпоху Просвещения – стал образ «другого», как правило, образ «врага»⁷. В качестве третьего элемента формирования национальной идентичности непременно присутствует процесс складывания основ гражданского общества – то, что Ю. Хабермас назвал «формированием публичной сферы»⁸ или подъемом средних «классов».

Однако самым сложным в контексте общественных дискуссий миллениума является вопрос о соотношении *Britishness* и *Englishness* как в текущей ситуации, так и в исторической ретроспективе. В академической среде за эти годы сформировался определенный и аргументированный ответ на этот счет, хотя имеют место различные подходы и исследовательские модусы. Доказано, что представители титульной нации, сами зачастую того не осознавая, пренебрегали культурным наследием потомков древних кельтов и других народов, оказавшихся в составе Британской империи: под «шкурою овцы» («*Britishness*») «таился лев» («*Englishness*»). Одним из первых, кто

⁵ Mandler P. Presidential Letter. Royal historical society. Newsletter. New series. 11.05.2013. URL: <https://files.royalhistsoc.org/wp-content/uploads/2014/09/17210811/RHSNewsletterMay2013.pdf>

⁶ Bentley M. *Modernizing England's Past, English Historiography in the Age of Modernism, 1870–1970*. Cambridge, 2005. P. 5.

⁷ Colley L. *Britishness and Otherness: an Argument* // *Journal of British Studies*. 1992. № 31. P. 309–329.

⁸ Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы // Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 112–137; Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

обратил на это внимание в середине 1970-х гг. был Джон Покок. Он указал на англоцентризм национальной истории Британских островов⁹. Вслед за этим последовала серия работ «new look»¹⁰. Джеральд Ньюмен одним из первых начал разработку этих идей применительно к Британии. В своей работе «Возникновение английского национализма» он показал, что Англия, вероятно, была первой современной страной, которая вступила в полосу национализма, и проиллюстрировал его проявление в английской культурной, социальной, литературной и политической жизни в период с 1740 по 1830 гг.¹¹ Даже Линда Коллей, сторонница «гибридной нации», вынуждена была через десять лет небывалого успеха ее книги «Британцы: формирование нации 1707–1837», сделать оговорки на этот счет¹².

И уж совсем не остается сомнений в гегемонии английского начала, когда мы вступаем в область историописания и рефлексии английских интеллектуалов о своем прошлом в эпоху расцвета романтизма на Британских островах. Сразу оговоримся, что *Scottishness*, *Welshness*, *Irishness* также переживают свой расцвет в конце XVIII – первой половине XIX века и имеют свою собственную историю развития, оставшуюся за рамками данного текста. Здесь только отметим факт «присвоения» кельтских «артефактов» в английском культурном пространстве. Примером может служить образ полумифического бриттского короля Артура¹³, впервые появившегося в латинском тексте IX в. «История бриттов»¹⁴, авторство которого, как предполагают, принадлежит валлийскому монаху Неннию¹⁵. В XII в. уже упоминавшийся в связи с легендой о Бруте Троянском влиятельный автор Гальфрид Монмутский сделал талантливое переложение Гильды, Беда, Ненния и легенд о Мерлине из валлийского эпоса

⁹ Pocock J.G.A. *British History: A plea for a new subject* // *The Journal of Modern History*. Vol. 47. 1975. № 4. P. 601–621.

¹⁰ Gellner E. *Nations and Nationalism*, Basil Blackwell Publisher, 1983; Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986; Nairn T. *The Break-up of Britain*. L., 1977; Hechter M. *Internal Colonialism*. Berkeley: University of California Press, 1975; *New Nationalisms of the Developed West*. Ed. E. A. Tiryakian, R. Rogowski. Boston: Allen and Unwin, 1985.

¹¹ Newman G. *The Rise of English Nationalism: A Cultural History 1740–1830*. N. Y.: St. Martin's Press. 1987.

¹² Colley L. *Britons: Forging the Nation 1707—1837*. L., 2002. P. XII–XV.

¹³ Эрлихман В.В. *Король Артур*. М.: Молодая гвардия, 2009.

¹⁴ Nennius. *British history and The Welsh Annals* / Ed. and transl. by J. Morris. L., 1980; *Historia Brittonum cum additamentis Nennii* // MGH AA T. XII. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII*. Vol. 3/ Ed. T. Mommsen. Berolini, 1891. P. 111–222.

¹⁵ Ненний. *История бриттов* / Пер. А.С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. *История бриттов. Жизнь Мерлина*. М., 1984. С. 171–193.

в своей «Истории королей Британии»¹⁶. Оттуда король Артур перекочевал в средневековый рыцарский роман, затем в «Книги о короле Артуре и о его доблестных рыцарях Круглого стола» Томаса Мэлори, автора XV в., и далее – в аллегорическую поэму «Королева Фей» Эдмунда Спенсера, посвященную Елизавете Тюдор. Подлинное возрождение артурианы начнется в середине XIX в., когда леди Шарлотта Гест сделает перевод валлийского эпоса «Мабиногион» на английский язык в 1838–1845 гг.¹⁷ Обратим внимание, что, прежде всего, свое развитие артуриана получила в английской художественной литературе и изобразительном искусстве. Этот сюжет стал основой произведений Альфреда Теннисона («Леди Шаллотт» и др.), Мэтью Арнольда, Суинберна, живописных полотен прерафаэлитов и т.п.

В моду развития английского исторического письма в эпоху романтизма легенда о короле Артуре была отвергнута как недостоверная. У англичан было свое «великое» готское прошлое. Р. Смит, специально занимавшийся изучением адаптации «готского наследия» выявил складывание самостоятельной «готской теории» в период с 1688 по 1832 г. Из концепции Спелмена-Бреди, ее сторонники восприняли только институт «народного собрания» древних германцев, «изъяв» вывод о возникновении английского парламента в связи с разложением феодальных отношений в XIV–XV вв. Одним из ее основателей называют сэра Джона Хейворда (1564–1627), антиквара «первой волны». Позже концепция «ограниченной монархии» развивалась в сочинениях непрягнувших священников, таких как Джереми Коллиер, Джордж Харбин. Будучи по существу якобитами, они настаивали на наследственном праве монархов и прерогативах парламента освящать его (принесение присяги с обеих сторон и т.п.).

Интересно, что сэр Уильям Темпл, патрон Дж. Свифта, в сочинении «Введение в английскую историю» 1695 г. писал, что древнеанглийская (готская) конституция усилилась с появлением норманнцев, также готов по своему древнему происхождению. Корона Вильгельма была «завоевана» по воле провидения, а парламента вынудил «завоевателя» ограничивать свой «фанатизм и клерикальную двуличность». Таким образом, в «готской теории» снималась проблема «завоевания», а главным «пунктом» становилась наследственная монархия (ограниченная прерогативами парламента) в лице Вильгельма Оранского. В книге «Готское наследие» Р. Смит пишет: «Темпл был убежденным сторонником готской теории, но он блестяще и

¹⁶ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

¹⁷ См. об этом: Эрлихман В.В. Король Артур. М., 2009; Morris J. The Age of Arthur. L., 1973.

ловко дистанцируется от затруднений исторической полемики семнадцатого века; его стиль и авторитет обеспечили его работе долгую жизнь в восемнадцатом веке». Авторитетный историк Дэвид Дуглас называет «Введение в английскую историю» Темпла «фантастически блестящим литературным произведением» (*fantastic lucubration*), но с точки зрения исторического исследования оценивает его как бесплодное, основанное на ложных аналогиях¹⁸. Р. Смит полагает, что после 1714 г. «готская теория» фактически соединяется с вигской идеей ограниченной монархии.

«Возрождение готики» начнется на завершающей фазе эпохи Просвещения как реакция на «век разума». Именно средневековое готское прошлое станет «вместилищем» дум и романтических умонастроений англичан конца XVIII – начала XIX века. Суть этого явления раскрывается в творчестве Хораса Уолпола. Будучи богатым наследником некогда всесильного премьера Р. Уолпола, он потратил значительную часть своего состояния на создание «маленького готического замка» под Лондоном в 1750–1760-х гг. Напомним, что Уолпол был самым тесным образом связан с Лондонским антикварным обществом, которое так и не приняло его в свои ряды, и в частности, с Джорджем Вертью, главным художником первой серии публикаций общества «*Vetusta monumenta*» (антиквары XVIII века активно занимались зарисовкой, атрибуцией и восстановлением сохранившихся развалин готических монастырей и соборов, некогда выстроенных именно Вильгельмом и его наследниками и разоренных в годы Реформации)¹⁹. Знаковым произведением эпохи стал готический роман Х. Уолпола «Отранто», опубликованный в 1764 г. На рубеже веков готический роман займет ведущие позиции в литературном наследии таких авторов как Клара Рив, Анна Радклиф, Мэтью Грегори Льюис и др. Это было настоящее «возрождение готики», которое получило в историографии на-именование «первого готского возрождения»²⁰. Второе готское возрождение, или неоготика придет в Англию во второй половине XIX века, и «вигская интерпретация» национального прошлого именно тогда переживет свой расцвет как один из ее модусов национализма.

¹⁸ См.: Douglas D.C. *English scholars, 1660–1730*. Oxford: Alden Press, 1939. P. 154–155.

¹⁹ Sweet R. *Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain*. L.: Hambledon and London. 2004. P. XIV.

²⁰ Smith R.J. *The Gothic Bequest: Medieval Institutions in British Thought, 1688–1863*. N.Y.: Cambridge University Press. 1987. P. 20–21.

Эпоха романтизма стала ответом на рационализм эпохи Просвещения. С одной стороны, возникновение английского национализма, как считает Дж. Ньюмен, стало ответом английских интеллектуалов на культурную гегемонию Франции в Европе. С другой, он показал, как английская правящая элита XVIII века, космополитичная по своему образованию и вкусам, оказалась в конфликте с английскими интеллектуалами – писателями, художниками, священнослужителями. Последние отстаивали уникальность «родной» культуры и выражали интересы окрепшего на протяжении Ганноверской эпохи среднего класса. Интеллектуалы стали строителями того, что сегодня мы подразумеваем под «британской национальной идентичностью». Таким образом, и здесь следует согласиться с Ньюменом, национальное движение было направлено как против внешних культурных влияний, так и против правящей элиты (земельной аристократии) внутри государства. Эту мысль подхватывает Стефен Бергер: «В наиболее развитых промышленных странах, в частности в Великобритании, конструирование нации определялось преимущественно интересами среднего класса и создание национальных нарративов задавалось обстоятельствами продолжающегося промышленного, политического и культурного прогресса»²¹. Для Англии эпоха национализма задавалась глубокой трансформацией всех сторон жизни общества – модернизацией экономики, подъемом средних «классов» и формированием гражданского общества. Сегодня нет сомнений в том, что именно национальная идея увязала воедино эти процессы и обеспечила взлет национального могущества страны.

В рамках этого национального возрождения, что было естественно, шла разработка новой исторической перспективы, в которой идея неписаной «древней конституции» стала краеугольным камнем английской политической системы, гражданско-правового дискурса и национального сознания англичан. Как считает Ньюмен, «создание английского национализма закончилось» в основном к 1789 г. – на смену шла эра «знаменосцев национального движения»²². Продолжим мысль Ньюмена – открылась эпоха формирования вигского метанарратива и его великих «апостолов» – Генри Галлама, Томаса Бабингтона Маколея, Эдварда Августа Фримена и других. Потом Г. Баттерфилд в своей работе 1931 года назовет это «вигской интерпретацией истории». Причудливым образом конку-

²¹ Berger S. The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe / Writing the Nation: A Global Perspective / Ed. by S. Berger. 2007. P. 44.

²² Newman G. The Rise of English Nationalism... P. 227.

рирующие дискурсы предшествующего периода в интерпретации национального прошлого, а именно: *антикварный* (концепция Спелмена-Бреди), *готский* и *кокианский* (обоснование юристом общего права Эд. Коком происхождения института парламентской монархии в донорманской Англии) – соединились в вигском метанарративе, который стал «библией» расцветающей нации.

Авторы исследования «Британские историки и национальная идентичность: от Юма до Черчилля» Энтони Брандейж и Ричард Косгроув достаточно убедительно реконструируют генеалогию вигского нарратива. Отметим, что они предпочитают говорить об английской национальной идентичности и обосновывают свой выбор персоналий историков следующими обстоятельствами: это были создатели многотомных трудов по истории Англии; их «истории» завоевали широкую читательскую аудиторию – «именно в девятнадцатом веке образованная общественность сделала историю жизненно важным компонентом викторианской культуры»; они создали социально значимые сочинения, оказавшие влияние на образовательные практики и журнальную периодику. Брандейж и Косгроув указывают на то, что сами историки, создававшие «вигский нарратив», прямо не ощущали своего единства. «Наши испытуемые редко соглашались друг с другом, и это так, потому что каждый из них подчеркивал разные аспекты, которые имели решающее значение для разработки национальной идентичности... каждый историк породил или усилил особую черту, которая сформулировала более широкую теорию английской исключительности»²³.

Для начала остановимся на общих для них чертах. Г. Галлама²⁴, Т.Б. Маколей²⁵, Дж.Э. Фруда, Э.А. Фримена, У. Стаббса, Дж.Р. Грина, С. Гардинера – всех их роднило стремление «переписать» «Историю Англии» Дэвида Юма – самую читаемую и популярную историю вплоть до середины XIX века. Они считали ее консервативной и основанной на политических принципах партии тори. В этом есть определенная ирония, так как сам Юм считал себя умеренным вигом и стремился написать надпартийную беспристрастную историю. Его критикам больше всего не нравилось сочувствие Юма Карлу I и презрение к «фанатичным» пуританам, которые, как считал он, превра-

²³ Brundage A., Cosgrove R. *British Historians and National Identity: From Hume to Churchill*. L.: Routledge. 2014. P. 2–3.

²⁴ Hallam H. *The Constitutional History of England, from the Accession of Henry VII to the Death of George II*. By. In 2 vols. L., 1827.

²⁵ Маколей Т.Б. *История Англии*. Часть 1–8 / Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т. 6–13. СПб.-М.: тип. П.А. Кулиша, изд-во М.О. Вольфа, 1863–1868.

тили многообещающее движение обновления в кровопролитную гражданскую войну и военную диктатуру. Как хорошо известно, Юм был агностиком и скептиком и не разделял идеи божественного происхождения королевской власти, пассивного послушания правящему режиму и другие принципы традиционного торизма. Он считал, что сильная монархия обеспечивала государственный порядок, служила основой для коммерческого роста и создания сильного среднего класса, который и был, по мысли Д. Юма, действительной основой представительного правления. Маколей, к примеру, пишет в эссе «Галлам» (1828): «Юм и многие другие писатели слишком торопливо решили, будто в XV столетии английский парламент был совершенно раболопен, на том основании, что он признавал без сопротивления всякого похитителя престола, имевшего успех»²⁶.

Отметим, что их объединял политический реформизм и вигская идея «свобод и вольностей» английской конституции, они руководствовались в своих исторических сочинениях политическими представлениями, принадлежащими именно этой партии. Причем можно говорить об определенной динамике в развитии вигского нарратива на протяжении Викторианской эпохи. «Исторические “виги”, – пишет М. Бенгли, – сформировались как связанная династия авторов, начиная от Генри Галлама и Томаса Б. Маколея и кончая Уильямом Стаббсом, Дж.Р. Грином и Е.А. Фрименом. Вначале, с 1820-х по 1850-е, эта тенденция отражала наследие XVIII века – чествование Славной революции, в которой Вильгельм III Оранский справился (почти бескровно) с презренным католицизмом и тиранией Якова II, открыл через своих наследников новую эру протестантской стабильности и процветания конституции, которая обеспечила баланс между узкими групповыми интересами и демократическим энтузиазмом. К концу XIX в. картина не остается столь однозначной. Простые умозаключения ранних «вигов» беспокоили поздних, которые хотели совместить вигский настрой с обеспокоенностью научным знанием... В руках тори Уильяма Стаббса, епископа Оксфорда, в отношении периода средневековья, и С. Гардинера и Ч.Г. Фирта²⁷, в отношении XVII века, исторический “вигизм” приобрел интеллектуальную родословную, которой “предки” не имели и не хотели»²⁸.

²⁶ Маколей Т.Б. Галлам // Полное собрание сочинений. Т. I. Критические и исторические опыты. 2-е испр. изд. / Под общ. ред. Н. Тиблена и Г. Думшина. СПб., 1865. URL: http://az.lib.ru/m/makolej_t_b/text_1828_hallam_olderfo.shtml

²⁷ См. о нем: Soffer R. Nation, duty, character and confidence: history at Oxford, 1850–1914 // Historical Journal. 1987. № 30 (1). P. 77–104.

²⁸ Bentley M. Modernizing England's Past... P. 6–7.

В результате, краеугольным камнем исторической памяти англичан стала древняя «неписаная» конституция. Если в конце XVII в. и далее – в XVIII столетии дискуссия на ее счет разворачивалась в плоскости гражданско-политического дискурса, то в сочинении Генри Галлама «Конституционная история Англии» (1827) она обрела в общественном сознании убедительную и прочную глорификацию. Несмотря на то, что эту книгу сегодня практически не читают, в свое время она имела огромный успех. С 1827 по 1908 гг. она выдержала 84 переиздания, и через сто лет после ее первой публикации авторитетный английский историк Дж. Гуч назвал ее «первой работой по новой истории Англии национального и международного значения»²⁹.

Несколько слов об авторе. Генри Галлам (1777–1859) получил блестящее образование (Итон, колледж Крайст-Черч в Оксфорде), он был хорошо знаком с влиятельными вигами своего времени, хотя прямого участия в политике не принимал. Галлам имел соответствующую подготовку для занятий юридической практикой, но, получив в 1812 г. наследство, отдался изучению истории. Замысел и реализация его «конституционной истории» объясняется контекстом острой и продолжительной дискуссии вокруг Билля о Реформе, которая с особой силой разразилась в конце 20-х гг. XIX в. Чувства и аргументы ее участников фиксировались на таких местах памяти как «жюри 12-ти присяжных», «Magna Carta», «Habeas Corpus Act», «Петиция о праве», «Билль о правах». В этом смысле работа Галлама отражала уже сложившуюся традицию освещения конституционной истории Англии и соответствовала текущим дискуссиям рубежа 1820–1830-х гг. В то же время она была пронизана стремлением обосновать конституционные основы традиционного английского «порядка». Т.Б. Маколей, вдохновленный этой книгой Г. Галлама, написал в 1828 г.: «Его книга написана в высшей степени по-судейски. Она вся проникнута духом суда, но не духом адвокатуры. Он перебирает обстоятельства дела со спокойным, непоколебимым беспристрастием, не склоняясь ни направо, ни налево, не говоря ни о чем вскользь и ничего не преувеличивая, в то время как адвокаты обеих сторон попеременно кусают себе губы, слыша как выставляются наружу их сбивчивые, ложные показания и софизмы. Вообще мы можем смело сказать, что “Конституционная История Англии” – самая беспристрастная книга, какую мы когда-либо читали»³⁰.

²⁹ Gooch G. History and Historians in the Nineteenth Century. Boston: Beacon, 1959. P. 74.

³⁰ Маколей Т.Б. Галлам...

Принципиально новым было то, что впервые в центре исторического нарратива оказалась сама конституция и ее история. Начав с 1485 года, с «восшествия на престол Генриха VII», Галлам как «независимый комментатор» построил свою реконструкцию на предположении (которое он никак не объясняет и не доказывает), что ко времени восшествия Тюдоров на престол конституция уже существовала, и что традиция ограничивать королевский авторитаризм независимым парламентом восходит к XIII веку. После 1485 г., когда бы парламент и корона не вступали в противоречия, именно конституция была тем «секретным механизмом», который в конечном счете обеспечивал фундаментальный баланс между исполнительной и законодательной властями. И только Славная революция обеспечила «королевское правление на основе соблюдения “свободы и справедливости”». Билль о правах 1689 года, Трехгодичный акт 1694 года и Акт о престолонаследии 1701 года – вот столпы английской конституции. Правление Вильгельма Оранского Галлам признает наивысшим этапом «нашей конституционной истории». Результатом Славной революции и ее последствий стало развитие гражданского общества. Теперь Англия неизменно следовала конституции свободы. В XVIII веке она стала образцом для европейских стран, находившихся на пике развития абсолютизма.

Г. Галлам внес исключительный вклад в формирование английской национальной идентичности. Теперь национальное самоопределение на основании «убедительных» выводов Галлама базировалось на идее об англичанах как конституционном народе. Доказательством этого утверждения в его сочинении становилась некая абстрактная идея, неуловимо присутствующая где-то между внешними формами (акты, законы) и внутренним духом народа, что нашло свое выражение в слове «конституция». Это было, несомненно, новое ее прочтение, основанное на идее уникальности английской системы правления, уходящей своими корнями к XIII в. и достигшей своего триумфа в Славной революции. Его исследование убедительно продемонстрировало такую характеристику английской исключительности как гений конституционализма, обеспеченный системой права и парламентским суверенитетом. Именно эта идея, как семена, будет развеяна по всему свету «сынами» Британской империи. Если имя Галлама вскоре забылось, его идеи еще долго оказывали влияние на развитие английского общества.

Томас Бабингтон Маколей, первым высоко оценивший потенциал «Конституционной истории Англии» Галлама, в своем эссе «Галлам» в пафосно-патриотическом ключе подхватывает и разви-

вает его идеи. Говоря о Реформации и Революции XVII века, он пишет: «Произошла великая битва за наше церковное и гражданское управление – и была выиграна. Раны были залечены. Победители и побежденные ликовали вместе... Это был отблеск золотого века единства и славы, короткий промежуток покоя, которому предшествовали и за которым должны были следовать целые столетия волнений... Счастлива будет Англия, если в такой кризис интересы ее будут вверены людям, которым история не напрасно повествовала о длинном ряде человеческих преступлений и глупостей»³¹. В этом новом контексте конституция, как заметил П. Мандлер, «в первую очередь означала способность к индивидуальной свободе»³².

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) был шотландцем по отцовской линии (что явствует из его фамилии – MacAmhlaoihbh), однако его мать была англичанкой и ученицей Ханны Мор, известной писательницы, автора религиозно-назидательных текстов³³. Т. Маколей получил образование в Тринити-колледж, в Кембридже, где дидактические практики отточили остроту его риторического слова. Он был прекрасно образован и на протяжении всей жизни сохранял страстный интерес к классической литературе и гордился своими знаниями древнегреческих текстов, особенно «Энеиды» Вергилия.

Во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. Маколей опубликовал ряд заметных и ярких эссе – «Мильтон» (1925), «Макиавелли» (1827), «Джон Гампден» (1831) и др., в которых уже ясно предстает его историческая концепция. «История – по крайней мере, в ее идеально-совершенном виде, состоит из поэзии и философии. Она запечатлевает в уме общие истины посредством живого изображения частных характеров и событий. Но на деле никогда не случалось, чтобы два враждебные элемента, составляющие ее, образовали совершенную амальгаму... Хорошей истории, в настоящем смысле

³¹ Маколей Т.Б. Галлам...

³² Mandler P. The English National Character: The History of an Idea from Edmund Burke to Tony Blair. Yale University Press, 2006.

³³ Родители Маколей примыкали к Клэпэмской секте (Clapham Sect), группе социальных реформаторов, которая состояла в основном из богатых евангелистов, разделявших общие взгляды на освобождение рабов и реформы пенитенциарной системы. На протяжении многих лет они усердно работали над достижением этих целей, мотивированные христианской верой и заботой о социальной справедливости для всех. Томас, по общему признанию, вундеркинд в детстве, рано освободился от шор своего сурового религиозного воспитания. Назидания отца вряд ли могли укротить страсть сына к чтению романов и другой литературы. См. подробнее: Clive J. L. Thomas Babington Macaulay: The Shaping of the Historian. N.Y., 1973.

этого слова, мы не имеем... Сделать прошедшее настоящим; приблизить отдаленное... – все эти обязанности, лежащие собственно на историке, присвоили себе сочинители исторических романов»³⁴. Созданию этой «совершенной амальгамы» живого изображения Маколей, собственно, и посвятит свои эпистолярные опыты.

Его аболиционистское эссе 1827 г. в «Edinburgh Review» с критикой парламентского отчета о состоянии дел в Вест-Индии³⁵ определило его судьбу как политического деятеля. В 1830 г. 3-й маркиз Лэнсдаун, один из лидеров вигов, ответственный за проведение Акта об эмансипации католиков 1829 г., пригласил Маколея представлять интересы партии в палате общин от одного из «карманных» местечек. Его первая парламентская речь была посвящена вопросу о снятии ограничений гражданских прав евреев в Великобритании³⁶. Серией блестящих выступлений в поддержку «Великой реформы», обеспечившей безоговорочную победу вигов, он сделал себе имя. Однако стесненные обстоятельства его семьи вынудили его сделать выбор в 1834 г. в пользу доходной должности члена Верховного Совета по делам Индии. Находясь в Индии до 1838 г. под руководством генерал-губернатора лорда Уильяма Бентинка, Маколей развернул активную деятельность по «англизации» местного образования и уголовного права. Вернувшись в конце 1830-х гг. в Англию, он получил должность военного министра в кабинете лорда Мельбурна. Это была вершина его политической карьеры.

На фоне кризиса 1841 г. и ожесточенной борьбы за фритред Маколей начинает работать над самым своим знаменитым сочинением «История Англии со времени вступления Якова II на престол». Первые два тома были опубликованы в 1848 г. Изначально Маколей, как и Галлам, планировал довести свою историю до восшествия на престол Георга III. Уже после публикации первых двух томов он надеялся завершить работу 1714 годом³⁷. Опубликованные в 1855 г. третий и четвертый тома, имевшие триумфальный успех, заканчивались хронологически заключением Рисвикского договора 1697 г. Пятый том, завершающийся смертью Вильгельма Оранского, был сведен в единое целое сестрой Маколей, леди Тревельян, уже после смерти автора

³⁴ Маколей Т.Б. Галлам...

³⁵ Rupprecht A. (September). Slave Trade Abolition, Indentured Africans and a Royal Commission // *Slavery & Abolition*. 2012. № 33 (3). P. 435–455.

³⁶ Маколей Т.Б. Гражданская неспособность евреев // Полное собрание сочинений. Т. I. URL: http://az.lib.ru/m/makolej_t_b/text_1831_grazhdanskaya_npravosposobnost_evreev-oldorfo.shtml

³⁷ Macaulay 1848, Vol. V, title page and prefatory "Memoir of Lord Macaulay".

в 1859 г. В книге Роберта Салливана, приуроченной к 150-летию со дня рождения Маколея, историк предстает двуликим Янусом: аболиционист и строитель Британской империи, решительный поборник реформ и реалист в духе Макиавелли, христианин и скептик. Исследователь считает, что стремление во власть, практика империи и желание оказать идейное влияние на своих современников сделало его жизнь трагедией.

С этим можно согласиться, но нет другого такого английского историка XIX века, который бы мог сравниться с Т.Б. Маколеем по степени влияния на общественное мнение и количеству распроданных тиражей его «Истории». Только ему удалось низвергнуть Дэвида Юма, доминировавшего в английской историографии вплоть до середины XIX века, с недосыгаемой высоты, Хью Тревор-Ропер во введении к изданию «Истории Англии» Маколея 1979 г. заметил: «своей историей он сразу же добился успеха, она стала новой ортодоксией»³⁸. В чем залог беспрецедентного успеха? Прежде всего, в оптимистической идее человеческого прогресса. Устойчивое развитие цивилизации, свидетелем которого был Маколей, определило его персональную веру в прогресс, и, как отмечает один из его авторитетных биографов Джон Клайв, у Маколея были на то веские причины. Оглядываясь вокруг, он видел мир, который в отношении морали, общественного сознания, религиозного рвения был заметно лучше, чем предшествующий ему век. Человек, который нашел Хрустальный дворец зрелищем «за пределами воображения арабских сказок»³⁹, не просто приветствовал материальные успехи промышленной революции, но обнаружил в них «источник чего-то похожего на то, что романтики находили в природе»⁴⁰. Это в значительной степени определило эмоциональную оценку истории Маколеем. Исследовательница исторического письма Викторианской эпохи Р. Янн, сравнивая Маколея с Карлейлем, пишет: «Для Карлейля настоящее освящается постоянством традиции. Маколей же смотрит на это с другой стороны, он почитает те традиции, которые определили нынешний успех и сделали его возможным»⁴¹. Его модель прогресса,

³⁸ Trevor-Roper H. Introduction // Lord Macaulay's History of England. Penguin Classics, 1979. P. 25–26.

³⁹ The Letters of Thomas Babington Macaulay // ed. Thomas Pinney. N.Y.: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. P. 226.

⁴⁰ Clive J. Introduction / Macaulay B. Selected Writings / Ed. by J. Clive and T. Pinney. Chicago: University of Chicago Press, 1972., P. XI–XII; Clive J. Macaulay: The Shaping of the Historian. 1987. P. 184.

⁴¹ Jann R. The art and science of victorian history. Ohio State University Press. 1985. P. 74.

таким образом, ощутимо близка к модели шотландских просветителей в духе А. Фергюсона.

Интерпретация английской истории Т.Б. Маколеем в ситуации социальной нестабильности, реформирования экономики и превращения Британии в «мастерскую мира» получила свою неизменную привлекательность. Джон Клайв указывает на то, что в годы, предшествовавшие Великой реформе 1832 г., политические позиции часто были настолько пересекающимися и аморфными, что история стала «горючим материалом, осветившим камни преткновения и противостояния»⁴². Для Маколея история Англии конца XVII – начала XVIII века стала демонстрацией того, как монархия, народное представительство и древние традиции обеспечили парадигму перемен, которые он хотел бы видеть в свое время. Он поднял гражданские войны до уровня «великого конфликта» между «свободой и деспотизмом, разумом и предрассудками», в котором «судьбы человечества были поставлены в один ряд со свободой английского народа»⁴³, и получил дополнительные риторические рычаги воздействия на свою аудиторию. Он взывал к патриотической гордости, подчеркивая параллели между XIX и XVII веками: «Скоро снова будет необходимо реформировать то, что мы можем использовать, чтобы сохранить основополагающие принципы Конституции путем внесения изменений в соподчиненные части. Тогда будет возможно, как это было возможно двести лет назад, защищать свои законные права, защищать каждое полезное учреждение, каждое учреждение, порожденное древностью и благородными объединениями, и в то же время вносить в систему усовершенствования, согласующиеся с общим планом. Еще неизвестно, сделали ли двести лет нас мудрее»⁴⁴.

Итак, англичане представляли под пером Т.Б. Маколея прогрессивным цивилизованным (и в этом отношении уникальным и великим) народом, способным осуществить реформу, равную революции, «силой разума и сложившихся законов», так как их «умеренность и гуманность» сами по себе были «плодами» столетней истории развития свободы⁴⁵. Таким образом, революция оказывалась у Маколея преисполнена благородной традиции. То, что могло представлять угрозу стабильности и процветанию нации, превращалось в движение духа и материальный прогресс на протяже-

⁴² Clive J. Macaulay... P. 95.

⁴³ Macaulay T.B. The Works / Ed. Hannah Trevelyan. London: Longmans, 1866. Vol. 5. P. 23; Jann R. The art and science of victorian history... P. 79.

⁴⁴ Ibid. P. 237.

⁴⁵ Ibid. P. 624–625; Jann R. The art and science of Victorian history... P. 79-80.

нии последних двухсот лет. Несмотря на то, что на момент смерти автора в 1859 г., его «История» едва ли охватывала четверть первоначального замысла (и на самом деле четырнадцать лет из истории английского королевства), она была блистательным памятником его риторического гения, «манифестом» великой нации и, как заметила Янн, «его самодовольного видения викторианского успеха»⁴⁶.

Очевидно влияние романтизма в сочинениях Т.Б. Маколей. Он хотел проиллюстрировать историю людей и «вызвать наших предков со всеми особенностями их языка, нравов и одежды; провести нас по их жилищам, посадить с ними за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари...»⁴⁷. Ранние историки, замечает Маколей, «опасались ссылаться на вульгарные проблемы частной жизни... замечать» обстоятельства, которые глубоко влияют на счастье народов»⁴⁸. Обстоятельства, которые больше всего повлияли на это счастье английского народа – «изменение нравов... переход... от бедности к богатству, от невежества к знанию, от жестокости к человечности», он определил как «бесшумную революцию» («noiseless revolution»), что соответствовало в его исторической концепции «прогрессу»⁴⁹. Маколей ставит перед собой задачу: «Я буду стараться излагать историю народа, а также историю правительства, отслеживать прогресс в полезных и искусных ремеслах, описывать рост религиозных сект и изменения литературного вкуса, изображать улучшение нравов от поколения к поколению, и даже не пренебрегать революциями, которые произошли в одежде, мебели, трапезах и публичных развлечениях. Я с легкостью восприму упрек в том, что опустился ниже человеческого достоинства, если мне удастся представить англичанам девятнадцатого века истинную картину жизни их предков»⁵⁰.

Если Галлам писал для думающего читателя, каковым являлся Маколей, то последний отдал жизненную силу и красоту своего слова всем прогрессивным людям своей страны, дабы осветить им дорогу вперед. Автор «введения» к изданию работ Маколей 1901 года Н. Соджвик пишет, что «есть что-то маршевое в музыке его прозы»⁵¹. По словам Эрнста Брайзаха, «его стиль покорила публику, рав-

⁴⁶ Jann R. The art and science of Victorian history... P. 79.

⁴⁷ Маколей Т.Б. Галлам...

⁴⁸ Macaulay T.B. The Works... Vol. 2. P. 56.

⁴⁹ Macaulay T.B. The Works... Vol. 5. P. 156.

⁵⁰ Macaulay T.B. The Works... Vol. 1. P. 2-3.

⁵¹ Sodjwick N.D. Introduction // Thomas Babington Macaulay Baron Macaulay. History of England. In 5 vols. Boston; N.Y., 1901. Vol. 1. P. XLVI.

но как и его хорошее чувство прошлого и твердые убеждения вигов»⁵². Маколею удалось соединить англосаксонское/готское прошлое, традиционализм и идею конституции (как квинтэссенцию английских свобод) с убедительной концепцией социального прогресса в едином послании всем людям Викторианской Англии. Триумфальное шествие «Истории Англии» Т.Б. Маколея ознаменовало победу либерализма в «отдельно взятой стране». Он создал желанную им самим и необходимую для обоснования политического курса вигов концепцию победы и прогресса Англии. Его история «означала» для расчетливого, приземленного и негероического английского среднего класса сохранение своего благополучия навсегда.

Однако уже «вскоре после 1862 г., когда в Англии утвердился либерализм как господствующая доктрина, «История» Маколея утратила свою убедительную силу»⁵³. Она, как шагреновая кожа, начала сжиматься под натиском политических и социальных реалий. «Потрясающий нарратив, созданный Т.Б. Маколеем, возможно наиболее распространенная и читаемая «История Англии» в XIX веке, – пишет М. Бентли, – теперь вызывала не только приподнятые брови, но также улыбку у тех, кто верил, что они продвигаются вперед... вигизм начал тускнеть и встретил свое Ватерлоо на Сомме»⁵⁴. Показательно, что Баттерфилд не упоминает сочинения Маколея в книге 1931 г., по-видимому, считая это особым сортом литературы, но – не истории. Окончательный приговор «уроку» Маколея был вынесен в уже упомянутой работе Р. Салливана 2009 г. Возвышенный «облик» этого выдающегося викторианца, в значительной степени созданный представителями его семьи и, в частности, его внучатым племянником Джорджем Маколеем Тревельяном, трансформируется в ней в образ человека, жизнь которого определялась борьбой за власть, расчетом, двуличием и полным забвением морали⁵⁵. Исследовательница Р. Янн вторит этому тезису: «Маколей рано простился с христианской ортодоксией и отбросил любую опору на моральную истину, возвышающуюся над пространством и временем – ту опору, которая определяла историческое сознание Карлейля...»⁵⁶. Сочинения Маколея из ретроспективы войн XX века предстают сегодня наполненными настой-

⁵² Breisach E. *Historiography: Ancient, Medieval, and Modern*. Third Ed. University of Chicago Press, 2008. P. 251.

⁵³ Breisach E. *Historiography...* P. 251.

⁵⁴ Bentley M. *Modernizing England's Past...* P. 6–7.

⁵⁵ Sullivan R. *Macaulay: The Tragedy of Power*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2009.

⁵⁶ Jann R. *The art and science of victorian history...* P. 79.

чивой риторикой о величии и культурной гегемонии Англии, «раздутой» до размеров «британской нации»⁵⁷.

После Маколея, в последующие тридцать лет будет наблюдаться расцвет английской нарративной истории и интенсивная проработка трех «великих кризисов» в истории английской нации – Нормандское завоевание 1066 года, Реформация XVI века и Славная революция 1688 года, прежде всего в многотомных историях, соответственно – Э.А. Фримена, Дж.Э. Фруда и У. Стаббса. Именно их выделяет как самых влиятельных историков XIX века Дж. Барроу в своей ставшей уже классической работе «Либеральное происхождение: викторианские историки и английское прошлое» (книга получила престижную премию Вольфсона 1981 г.⁵⁸). Расцвет вигского нарратива он связывает с победой либерализма в Англии и показывает, что избранные авторы не имели опыта государственных дел (за исключением небольшого периода для Маколея); не были профессиональными историками и были вовлечены в написание своих историй в результате страсти к антикварному прошлому; их объединяло романтическое идеализированное представление о нем и патриотическое побуждение идентифицировать нацию и ее институты как коллективный субъект английской истории.

На протяжении 1856–1870 гг. Джеймс Энтони Фруд (1818–1894) публиковал свою двенадцатитомную «Историю Англии от падения Уолси до поражения Испанской Армады»⁵⁹. Его работа представляла английскую Реформацию XVI в. как «стержень» всей национальной истории. Он сосредоточился на таких ключевых фигурах Реформации в Англии как Генрих VIII и Елизавета I. Фруд стремился показать благотворное влияние реформации на духовную культуру англичан, он прямо выразил свою антипатию к Риму и убеждение в том, что церковь должна быть подчинена государству. Несмотря на то, что первые тома «Истории» вызвали гнев и либералов, полагавших, что Фруд обелил деспотизм Генриха VIII, и церковников, невысоких сниженной оценкой роли церкви, она была популярной, благодаря «драматическому» изложению событий в духе Карлейля, другом и душеприказчиком которого он был. После смерти Маколея

⁵⁷ Sullivan R. *Macaulay: The Tragedy of Power*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press. 2009. P. 1.

⁵⁸ Burrow J.W. *A Liberal Descent: Victorian Historians and the English Past*. Cambridge; London; N.Y.; etc.: Cambridge University Press, 1981. Wolfson history prize: <https://www.wolfsonhistoryprize.org.uk/>

⁵⁹ Froude J. A. *History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada*. In 12 vols, 1856–1870.

Фруд стал самым известным историком в Англии⁶⁰. Его младший современник Эдвард Август Фримен (1823–1892), в свою очередь, в шеститомной «Истории нормандского завоевания Англии»⁶¹, задуманной к приближавшемуся 800-летию юбилею этого события и издававшейся в 1867–1879 гг., с энтузиазмом писал о тевтонской природе политических и социальных институтов английского народа и его героях – Альфреде Великом, Годвине, Гарольде Годвинсоне. Даже о Вильгельме Нормандском он пишет с симпатией, так как тот сохранил древнеанглийские институты. Таким образом, Фримен «доказывал» наличие демократического начала в истории английского народа до завоевания 1066 года.

Если Фримен отвел центральное место в национальной истории Англии нормандскому завоеванию, Фруд – Реформации, а Маколей – свержению Стюартов и «Славной революции», то еще один авторитетный историк Уильям Стаббс (1825–1901) в трехтомной работе «Конституционная история Англии»⁶² (1873–1878) завершил формирование вигского мифа об исключительности английского конституционного строя⁶³. В конце века этот труд стал самым влиятельным сочинением по национальной истории. Ирония заключается в том, что Стаббс являлся англиканским священником (епископом!) и по политическим предпочтениям, темпераменту – полной противоположностью выше перечисленным его старшим современникам. Причем, в отличие от них, он был прекрасным палеографом, преуспел в критике исторических источников и других техниках исследования, пришедших в английскую историографию из Германии в последней четверти XIX века. Однако Дж.У. Барроу в посвященной ему главе «Тори: Стаббс и древняя конституция» показывает, что представления историка также были обусловлены романтической страстью к прошлому и определялись национальным патриотизмом в стремлении создать новую историографию раннего английского средневековья. По сути его «Конституционная история Англии» стала продолжением, наполнением и демократизацией старого вигского мифа о преемственности в национальной истории⁶⁴.

⁶⁰ Burrow J.W. The Imperialist, Froude's Protestant island / Idem. A Liberal Descent... P. 231–302; Brady C. James Anthony Froude: An Intellectual Biography of a Victorian Prophet, Oxford: Oxford University Press. 2013.

⁶¹ Freeman E.A. History of the Norman conquest of England, its causes and its results. L., 1867–1879.

⁶² Stubbs W. The constitutional History of England. In 3 vols, 5th ed. Oxford, 1891–1898.

⁶³ Burrow J.W. A Liberal Descent... P. 2.

⁶⁴ Ibid. P. 227-228.

«Идея вигской интерпретации истории Англии проста в общих чертах, сложна в деталях», – заметил Дж. Барроу⁶⁵. В своей книге «Либеральное происхождение: викторианские историки и английское прошлое» он разбирает, как проявились в интеллектуальном наследии четырех историков XIX века – Маколея, Стаббса, Фримена и Фруда – основные «элементы» вигского нарратива. Он шел вслед за Баттерфилдом, который выделил четыре компонента: 1. концепция древней тевтонской конституции; 2. Magna Carta; 3. древность палаты общин; 4. идеализация «конституционных экспериментов» XIV и XV столетий⁶⁶. Барроу рассматривает эти компоненты в контексте творчества наших героев и замечает, что первые три компонента мало что значили, например, для Галлама или Маколея. Великая хартия вольностей вообще практически не привлекала их внимание⁶⁷. И кроме того, после «сокрушительной работы Роберта Брэди конца XVII века вера в древность палаты общин не могла продолжаться вечно»⁶⁸. «История» Фруда подверглась жестким нападкам, особенно со стороны Фримена. «История» Маколея была очень популярна, чего, например, не скажешь об «Истории» Фримена. Фруд хорошо продавался, но, кажется, произвел гораздо меньшее впечатление»⁶⁹. Фруд и Фримен стали профессорами в последние годы жизни, но, по сути, они были такими же частными авторами как Галлам и Маколей. О началах профессионализации и научности можно говорить только в отношении У. Стаббса.

Уже упомянутые авторы Э. Брандейж и Р. Косгроув «продлевают» «жизнь» вигского нарратива в XX в. от «Истории Англии и английского народа» Джона Ричарда Грина, опубликованной в 1874 г., к труду Сэмюэла Гардинера «История Пуританской революции», последние тома которой увидели свет в 1904–1908 гг. В этой работе показано, как произошло «инкорпорирование» диссентеров в национальную историю Англии. «Стражем» вигского нарратива в первой половине XX в. стал Дж.М. Тревельян (1876–1962). Он, видевший войну за рулем машины скорой помощи на передовой, уже не был так настойчив в идее прогрессивности и исключительности английского народа. Однако его сочинение «Английская социальная история: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории», уви-

⁶⁵ Burrow J. W. A Liberal Descent... P. 2.

⁶⁶ Butterfield H. The Englishman and His History. Cambridge U.P., P. 69.

⁶⁷ Pallister A. Magna Carta. The Heritage of Liberty. Oxford U.P., 1971.

⁶⁸ Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge U.P., 1957. P. 197.

⁶⁹ Burrow J. W. A Liberal Descent... P. 5.

девшее свет в 1926 г., стало повторением «старых добрых» идей вигского нарратива – парламентское правление, верховенство закона и религиозная терпимость. Дэвид Кеннадин, посвятивший биографии этого историка целое исследование пишет: «В первой половине двадцатого века Тревелиян был самым известным, самым почитаемым, самым влиятельным и самым читаемым историком своего поколения. Он был потомком величайшей исторической династии, когда-либо созданной в Великобритании. Он знал и переписывался со многими величайшими личностями своего времени <...> В течение пятидесяти лет Тревелиян действовал как общественный моралист, наставник государственных деятелей и общественный благотворитель, обладая бесспорным культурным авторитетом среди правящих и образованных классов своего времени»⁷⁰. Однако его репутация едва ли пережила его самого. «Венцом» и последним, довольно жалким аккордом вигского метанарратива стала «История англоговорящих народов» Уинстона Черчилля, опубликованная в 1956–1958 гг. Во всех этих сочинениях конца XIX – первой половины XX века англичане продолжали шагать победным маршем по планете. Хоть вигский нарратив, как выразился Майкл Бентли, и пережил свое Ватерлоо на Сомме, он сохранял жизненные силы вплоть до рубежа 60-70-х годов XX в., оставаясь фасадом британской национальной историографии.

Представленный при осмыслении проблем взаимосвязи вигского метанарратива и национальной идентичности в Британии историографический материал позволяет выстроить генеалогию «вигского мифа» и непростую историю его преодоления. Можно со всей определенностью говорить о двух противоборствующих «тенденциях» этого дискурса. Первая восходит к выдающемуся английскому историку Джону Гарольду Пламу (1911–2001), который защитил диссертацию в 1936 г. в Christ's College в Кембридже под руководством Дж.М. Тревелияна. В свою очередь Плам, как специалист по истории XVIII века, стал наставником целого поколения «новых» социальных историков, получивших известность в 1990-е гг.: Рой Портер, Саймон Шама, Линда Коллей, Дэвид Кеннадин и др. Д. Кеннадин стал автором в целом апологетической биографии⁷¹ Тревелияна. «Наследники» Плама склонны видеть Британию композитарной монархией и предпочитают говорить о «Britishness». М. Бентли прямо пишет: «некоторых из его [Плама] учеников, особенно Саймона Шаму, Дэвида Кеннедина и Линду Коллей безусловно никто не мог

⁷⁰ Cannadine D. G.M. Trevelyan: A Life in History. L., 1992. P. 271.

⁷¹ Ibid. P. 208.

бы охарактеризовать как вигов, но никто не мог бы успешно охарактеризовать их за пределами генеалогии вигов, восходящей к учителю Плама – Тревельяну, к Эдвардианской Англии»⁷².

Другой плодовитый ученик Джон Барроу (1935–2009). во введении к своему труду 1981 г. пишет: «Дж.Г. Плам пополнил список моих обязательств стимулом, который я получил от его книги “Смерть Прошлого”». Действительно эта книга Плама (1969) начинается лаконичным посвящением «для Джона Барроу». В этом сочинении собственно и объясняется, что само по себе преодоление вигского метанарратива означает, что «история» вскоре перестанет быть столь значимым «элементом» культурного пространства послевоенной Европы. Идеализированное прошлое, говорит он, перестает играть роль «идентификатора» социальных сообществ. В этой книге, заметил Плам: «...я впервые звоню в колокол по умирающему Прошлому»⁷³. И далее, «нужно только посмотреть на судьбу вигской интерпретации истории в Англии, упадок которой обусловлен не только атаками, которым он подвергся с точки зрения техник исторического письма, но и тем, что она больше не удовлетворяет социальные потребности олигархии, власть которой убывает... у но-вых ученых и технологов, людей, которые управляют атомными электростанциями или компьютерными службами, в их обществе это так называемое прошлое в лучшем случае может вызывать ностальгические чувства. Оно не может иметь никакой социальной значимости; оно не может дать им чувство цели. Оно не может предоставить оснований их власти или оправдания ее, как это было не только для Маколея в Индии, но и для множества мелких гражданских служащих. Для таких людей их прошлое было столь же значимым, как и их религия»⁷⁴.

Кроме того, во введении Барроу благодарит Дункана Форбса и Джона Покока, у которых он «научился многому... без этого книга была бы совсем другой и значительно беднее»⁷⁵. Таким образом он признает значение другой тенденции преодоления «вигского мифа». В ее основу легла уже не раз упомянутая работа Герберта Баттерфилда (1900–1979) «Вигская интерпретация истории» (1931). Эта небольшая по объему книга взывала к соблюдению простых морально-этических принципов в профессиональной деятельности историка. Баттерфилд полагал, что невозможно заниматься историей профес-

⁷² Bentley M. *Modernizing England's Past...* P. 116.

⁷³ Plumb J. H. *The Death of the Past*. L.: Macmillan, 1969. P. 40.

⁷⁴ Plumb J.H. *The Death of the Past*. Second ed. With Forward (S. Schama) and Introduction (N. Ferguson). Palgrave Macmillan, 2004. P. 41–42.

⁷⁵ Burrow J.W. *A Liberal Descent...* P. IX.

сионально, если интерпретация прошлого задается текущей политической конъюнктурой и рассматривается исходя из потребностей настоящего. Последний раздел книги прямо называется «Нравственные суждения в истории». Будучи набожным методистом, он призывал следовать принципам морали в ремесле историка. В этом Баттерфилд противостоял своему коллеге по Кембриджу – Дж.Г. Пламу. Майкл Бентли прямо называет их «врагами»⁷⁶.

В 1930–1940-х гг. «Вигская интерпретация истории» Баттерфилда имела маргинальный статус в британской историографии и в глазах большинства историков Герберт Баттерфилд представлял таким набожным ретроградом. И позже его книга подвергалась критике учениками Плама как «легковесная, запутанная, повторяющаяся и поверхностная»⁷⁷. Дэвид Кеннедин пишет: «Это был яростный, пристрастный и справедливый суд, деливший людей прошлого на хороших и плохих. И сделано это на основе явного предпочтения либеральных и прогрессивных ценностей, а не консервативных и реакционных... Короче говоря, история была чрезвычайно предвзятым взглядом на прошлое: он [Баттерфилд] стремился раздавать моральные суждения и был привержен телеологии, анахронизму и современности»⁷⁸. В данном контексте обращает на себя внимание коллективный труд под редакцией Роя Портера «Мифы об англичанах»⁷⁹, а также работа Д. Кеннедина «Неделимое прошлое: человеческая природа за пределами наших различий»⁸⁰.

Успех книги Баттерфилда стал очевиден уже после его смерти. Он не увидел мощного прорыва историографии «new look» 80-х гг. XX в., связанной с «изобретением традиции». Однако полагаю, что еще при жизни он испытал глубокое удовлетворение защитой диссертации своего ученика Джона Покока и изданной на ее основе книги «Древняя конституция и феодальное право. Изучение английской исторической мысли в XVII веке» (1957). Фундированная и убедительная аргументация Покока в пользу концепции Спелмана-Бреди была решающим прорывом в борьбе за преодоление «вигского прошлого». Статья Покока «Британская история: призыв к новой теме» (1973)⁸¹ и само ее название указывают на стремление найти

⁷⁶ Bentley M. *Modernizing England's Past...* P. 116.

⁷⁷ Cannadine D. *G.M. Trevelyan...* P. 208.

⁷⁸ *Ibid.* P. 197.

⁷⁹ *Myths of the English* / Ed. Roy Porter. Cambridge: Polity Press, 1992.

⁸⁰ Cannadine D. *The Undivided Past: Humanity Beyond Our Differences*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2013.

⁸¹ Pocock J.G.A. *British History: A plea for a new subject...* P. 601–621.

иное (антивигское) обоснование национальной истории Британских островов. Поколение историков, которое сегодня получило название на самом деле никогда не существовавшей Кембрижской школы интеллектуальной истории, направило свои усилия на изучение истории идей и предложило переопределение вигской интерпретации национального прошлого. Примером может служить Квентин Скиннер, который в первом томе ставшей культовой книги «Основания современной политической мысли» выражает особую благодарность Джону Барроу, руководителю его «работы по политической теории, когда я был еще бакалавром в Каюс-колледже Кембриджа и продолжает руководить этим (да еще много чем) по сию пору»⁸². В лице этих выдающихся «кембриджцев» история по-прежнему стремится к переопределению и самоидентификации современной Британии.

А что касается вигского нарратива, то он явился одним из модулов утверждения либеральной доктрины победившего среднего класса в Англии. Нация стала той абстрактной консолидирующей идеей, на основе которой произросло величие Британской империи. Зримым памятником этой идеи стала Национальная портретная галерея, официально открытая 2 декабря 1856 года⁸³. Маколей был среди ее опекунов-учредителей и удостоен увековечения в одном из трех бюстов на главном входе в музей⁸⁴. Не менее впечатляющим «артефактом» расцвета национальной идентичности в Британии стал новый Вестминстерский дворец, выстроенный в неоготическом стиле по проектам выдающихся архитекторов своего времени Чарлза Берри и Огастеса Пьюджина в 1834–1860 гг. XIX в. Последнему принадлежит проект знаменитой Дворцовой башни с часами, более известной как Биг Бен. Облик нового здания британского парламента на набережной Темзы, Тауэрский мост и другие общественные здания, ратуши и вокзалы в неоготическом стиле свидетельствовали о «втором готском возрождении» и формировании архитектурного стиля «британский ампир» – стиля, отражавшего национальное величие Британии⁸⁵.

⁸² Skinner Q. *The Foundations of Modern Political Thought: Volume I*. P. XVII; Скиннер К. *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Эпоха Ренессанса и Реформации* / пер. с англ. А.А. Олейникова. М., 2018.

⁸³ Face to Face. National Portrait Gallery. 2013. URL: https://www.npg.org.uk/assets/migrated_assets/docs/support/individual/face2face16.pdf

⁸⁴ Cannadine D. *National Portrait Gallery: a Brief History*. National Portrait Gallery, 2007; Geddes A. Poole. *Stewards of the Nation's Art: Contested Cultural Authority, 1890–1939*. University of Toronto Press, 2010; National Portrait Gallery. Режим доступа: <https://www.npg.org.uk/collections/>

⁸⁵ Watkin D. *English Architecture. A Concise History*. London, 1979. P. 154-169.

Отметим, как сама королева Виктория, символ нации, вписывала себя в этот контекст. Дж. Барроу выбирает для обложки своей книги «Либеральное происхождение» скульптуру королевы Виктории и принца Альберта в саксонском платье, выполненную Уильямом Тидом в 1863–1867 гг. для королевского мавзолея во Фрогморе⁸⁶. Двойной портрет королевы Виктории и принца Альберта, копия которого выставлена также в Национальной портретной галерее, известен под названием «Расставание»⁸⁷. Он символизирует связь между немецким и английским народами в далеком англо-саксонском прошлом.

⁸⁶ Theed W. Queen Victoria and Prince Albert. Royal Collection Trust. Inventory no. 60778. URL: <https://www.rct.uk/collection/60778/queen-victoria-and-prince-albert>

⁸⁷ На цоколе оригинала во Фрогморе выбита строка (без указания авторства) из поэтической анти-идиллии Оливера Голдсмита «Покинутая деревня» 1770 г.: «Allured to brighter worlds, and led the way».